

Я очнулась глубокой ночью, в воздухе царил дурной лекарственный запах, вокруг стояла тишина.

— Проснулась?

Под мрачным светом лампы возле меня на стуле сидел Пу Чжэн с лицом, наполненным серьезностью.

Я с трудом растянула уголки рта:

— Впервые после возвращения я сплю в таком удобстве.

После очень долгого молчания он вздохнул:

— Правда, не знаю, что тебе лучше сказать.

Честно говоря, я и сама не знала, что ему сказать. Изначально я думала, что из-за того вина я, максимум, покроюсь пятнами. Но результат, черт возьми, отправил меня в больницу — и в самом деле перебор.

— Прости, что заставила тебя волноваться, — сказала я.

— Да, тебе следует извиниться, — ответил он.

Когда мы сказали это, обстановка перестала быть настолько серьезной.

Внезапно о чем-то вспомнив, Пу Чжэн засмеялся:

— Эта Лин Сяоди громко кричала, внезапно рассердилась на тебя, а потом и вовсе заплакала.

— Да, Сяоди очень эмоциональная.

— Верно, переживала до смерти, я ее полдня уговаривал, чтобы она смогла тебя оставить, — Пу Чжэн остановился ненадолго, а потом снова продолжил: — Знаешь, это раздражает, поэтому я всех выпроводил.

— Да, спасибо, — я плохо сплю весь год. Если рядом хоть какой-то шум, я точно не засну.

На самом деле спать в больнице для меня неприемлемо.

Я посмотрела на капельницу и, просительно улыбаясь, спросила Пу Чжэня:

— Мы не вернемся? Не хочу оставаться в больнице.

— Подожди немного, пусть хотя бы капельница закончится, у тебя температура, — голос не жесткий, но в нем слышится настойчивость.

Я подняла руку, чтобы посмотреть на часы — 1: 15 ночи, — и сказала:

— Уже поздно, иди домой, отдохни.

— Ты здесь одна, я беспокоюсь.

— Не о чем беспокоиться, тем более, я не могу спать, когда кто-то рядом.

Пу Чжэн немного подумал и согласился:

— Ладно, завтра утром я снова приду, заодно принесу тебе поесть, ты определено не привыкла к здешней пище.

— Я хочу фасолевую кашу с медом.

— Понял, — Пу Чжэн взял куртку и отвернулся. Остановившись у двери, он сказал:

— Отдохни хорошенько, и все будет нормально.

Я улыбнулась и ничего не ответила

Я снова закрыла глаза, вспоминая Е Линя. Столько лет прошло, а то, бывшее, снова угнетает. Следует пустить все переживания по ветру.

Сквозь сон показалась, что вошел какой-то человек. Перед этим я выпила таблетки от простуды и настолько устала, что не могла открыть глаза. Я почувствовала, как чья-то прохладная рука легла поверх моей. Мне не понравилось это прикосновение. Я хотела было убрать свою руку, но хватка усилилась.

Я снова открыла глаза — вокруг было пусто, никого. Я посмотрела на свою руку: на тыльной стороне руки не было иглы от капельницы, вместо нее был приклеен медицинский пластырь. Я поднялась с кровати и пошла в туалет, открыла кран и вымыла руки ледяной водой.

На следующий день я проснулась и не увидела Пу Чжэна и его кашу, но очень удивилась, когда увидела Ян Яли.

— Где Е Линь? — ее тон был все таким же добрым, но не особо вежливым

Поскольку я не могла принимать решения лежа и тем более разговаривать с людьми, я села и посмотрела в окно. Снег уже не таял в конце декабря, оседая бескрайним серебром и резким холодом.

— Я спросила, где Е Линь, — повторила вопрос Ян Яли

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — в конце концов, с таким социальным статусом ей не нужно приходить ко мне и спрашивать меня о подобном.

— Я знаю, он приходил сюда, — сказала она.

Немного подумав, я ответила:

— Был он тут или нет, я не уверена. Но, госпожа Ян, я совершенно точно могу сказать, что не видела его, во всяком случае, с того самого момента, как он поднял стакан в мою честь.

Ян Яли смотрела на меня и переваривала мои слова. После долгого молчания она открыла рот:

— Я никому не отдам Е Линя, включая и тебя, Цзянь Аньцзе. Надеюсь, ты запомнишь это, — и перед тем, как уйти, она добавила: — Желаю скорейшего выздоровления.

Это звучало смешно. Потом зазвонил телефон, и я ответила на звонок, номер не определился:

— Алло?

— Где ты? — знакомый голос.

— Ты?

На другом конце ненадолго замолчали, потом продолжили:

— Си Сичэнь.

В тот момент я отчетливо почувствовала, как мои пальцы задрожали, а затем так же, как и появилась, дрожь прошла.

— Какое-то дело? — я и подумать не могла, что это будет он. В конце концов, он из тех людей, кто без надобности не будет со мной общаться.

— Госпожа Цзянь, ты действительно очень забывчива, — сказал он ледяным голосом.

Я забыла вчера вернуться в дом господина Цзянь, однако что с того? Для чего эта приказная манера речи? Вернусь я или нет, когда вернусь и как — он не имеет права спрашивать.

— Я знаю, спасибо, что напомнил.

— Пожалуйста, — спокойный, сдержанный тон смешивался с каплей недовольства.

В самом деле назойливый человек. Я фыркнула про себя и собиралась уже положить трубку, как до меня снова донесся его голос:

— Раз уж госпожа Цзянь все знает, позволь мне снова спросить: в котором часу госпожа вернется домой?

Я на секунду замерла, а потом, улыбаясь, ответила:

— Си Сичэнь, тебе не кажется, что ты немного любопытный?

— Скажи мне конкретное время, — он не обратил внимания на мой сарказм, по его холодному голосу было непонятно, какие эмоции он испытывает.

— Осмелюсь спросить, господин Си, ты сейчас спрашиваешь меня в качестве кого? — ему незачем мне объяснять подобного рода вещи, — Я думаю, мне не стоит отчитываться перед кем-то посторонним о моем возвращении в дом? — высмеивая его, я высмеяла и себя.

— Господин Цзянь, он же твой отец, также хочет знать конкретное время твоего прибытия, чтобы не ждать тебя без надобности, — его голос стал немного серьезнее. Похоже, он ожидал подобного.

Я предполагаю, что он всегда пытается вставить мне палки в колеса:

— Через пару дней, — уже с язвительной насмешкой сказала я ему, не желая больше тратить свои нервы на бессмысленный разговор и растягивать его.

— Госпожа Цзянь, ты, наверно, плохо меня расслышала, я имел в виду конкретное время.

— Завтра, — стиснув зубы, сказала я.

— Хорошо, завтра, — немного помолчав, он сказал: — Если понадобится, я могу послать кого-нибудь за тобой.

— Я все еще помню дорогу назад.

— Надеюсь, так и есть

После этого пришел Пу Чжэн и составил мне компанию в первой половине дня. Ближе к вечеру я прошла все формальности и меня выписали. За это время ко мне также приходили и Лин Сяоди, и Мо Цзячжен. После того, как Сяоди убедилась, что со мной все в порядке, она с огромной неохотой вернулась в Тайвань

По дороге домой Пу Чжэн достал из кармана пиджака стопку бумаг и дал мне:

— Ты с утра мне позвонила и попросила забронировать на завтра во второй половине дня билет в Шанхай, а на послезавтра из Шанхая во Францию. Обязательно так торопиться? Ты только вернулась.

— Бра-а-ат... Я, кажется, раньше не называла тебя так. Спасибо тебе, спасибо, что заботился обо мне все эти годы. Когда я училась в Китае, нам было неловко называть друг друга братом и сестрой, но прошло столько лет, мы выросли, и нам еще более неловко так друг друга называть. Но я хочу сказать, все это время в моем сердце ты — мой самый близкий брат. В этом городе, помимо тебя, мне не по кому больше скучать. Поскольку это место для меня стало бессмысленным, нет необходимости мне надолго здесь оставаться.

Пу Чжэн дослушал и покачал головой:

— Я завезу тебя завтра утром домой, а потом сразу отвезу в аэропорт.

— Хорошо, — улыбнулась я.

Когда мы подъехали к квартире Пу Чжэна, я вышла из машины, а он поехал в подземную стоянку припарковать машину. Поскольку на улице было слишком холодно, я сперва направилась к двери квартиры, как вдруг за спиной меня кто-то крепко схватил и с огромной силой развернул.

Под не слишком ярким светом в глаза бросилось чрезвычайно красивое лицо — Е Линь!

Это точно он: немного истощенный, слегка подавленный, с покрасневшими красивыми глазами.

После испуга я попыталась высвободиться из его рук, так как его хватка была очень

болезненной:

— Е Линь!..

Я не успела договорить, как горячее дыхание ударило в лицо, и в следующую секунду его губы остановились на моих, в голове не было ни одной мысли. Пока я приходила в себя, он опустил голову на мое плечо и как во сне прошептал:

— Я тебе не нужен? — прозвучал опустошенный голос словно из ниоткуда.

Я будто поддалась обольщению и, не сдержавшись, погладила его мягкие черные волосы с небольшим сожалением.

Тело Е Линя слегка напряглось, он посмотрел на меня, и в его глазах что-то вспыхнуло, яркое и возбуждающее. Он снова медленно склонил голову к моим губам, мое тело задрожало, и я резко пришла в себя! Я поняла собственную неосторожность и с силой оттолкнула его. Е Линь был застигнут врасплох, униженно сделал большой шаг назад, тело его неподвижно замерло. Он пристально за мной наблюдал:

— Цзянь Аньцзе, я все еще тебе нужен? — его ласковый голос все пытался разрушить мою оборону.

Этот хитрый мужчина!

— Е Линь, перестань играть, говори прямо, что хотел сказать, — я не хотела снова беспокоиться в догадках о его намерениях

С раненым выражением лица он смотрел на меня невыразимо глубоким взглядом:

— Цзянь Аньцзе, я люблю тебя.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло — такие слова сейчас не следовало бы говорить.

— Я люблю тебя, ты слышишь! Я люблю тебя! — мое внешнее спокойствие заставило его нервничать.

— Мы расстались шесть лет назад, Е Линь, — слушала я свой очень спокойный голос и удивлялась.

— Я люблю тебя, — он упрямо продолжал говорить, а его повышенный голос унес меня в воспоминания.

Я прямо посмотрела на него:

— Е Линь, мы расстались, — четко показала я ему реальность, но также я открыла ее и себе.

— Не хочу с тобой расставаться, — он схватил мои руки, — я сильно сожалею, но я не хочу расставаться с тобой! Я говорю, что мне очень жаль! И я не хочу тебя терять!

— Е Линь, это ты тогда говорил, что хочешь расстаться, — эта перебранка вернула меня на шесть лет назад, что не по своей воли заставило меня немного дрожать.

— Это ты меня вынудила! Ты не придавала мне значения, я тебя совсем не заботил. Ты сказала, что уезжаешь во Францию, а я испугался, я разозлился и сказал, что мы расстаемся. Я хотел, чтобы ты волновалась, я хотел, чтобы ты осталась! Но, но... — под конец его голос стал немного печальным, — но ты все равно уехала.

Он поднял голову и взглянул на меня.

— Ты всю жизнь была такой решительной, такой простой, такой напористой, что заставляла меня думать, будто на самом деле ты никогда и не любила меня вовсе.

«Совсем не заботил... не любила... не могла позволить этому человеку находиться рядом со мной шесть лет».

Он с самого начала так думал. Это недопонимание вызывало в сердце сильную боль даже после шести лет разлуки.

— Е Линь... — я говорю очень медленно и легко, отчетливо проговаривая каждое слово. — Я любила тебя, в свое время. Но когда ты сказал, что хочешь со мной расстаться, мое сердце разбилось, правда разбилось. Меня выгнали из дома. И я пошла к тебе сказать, что мне нужно ехать во Францию. Я была вынуждена уехать туда, где могла говорить на собственном языке. Я всего лишь хотела тебя увидеть. Но ты сказал: «Мы расстаемся, Цзянь Аньцзе».

«Цзянь Аньцзе, раз нужно ехать во Францию — езжай, зачем ты мне это говоришь, кто я тебе, а? По сути дела, никто».

— Однако, хоть и сказала о расставании, я все же скучала по тебе. Приехав во Францию, постоянно думала о тебе, я правда сильно скучала по тебе... Хотела, чтобы ты дал мне надежду, хоть бы одно слово. В конце концов я набралась смелости и позвонила тебе, но трубку взял не ты. Она сказала, что ты не хочешь говорить со мной. Я стояла на улице и даже не знала, как найти дорогу назад, несмотря на то, что ходила здесь не раз. Я хотела кого-нибудь спросить, но тогда я даже не знала французского. Е Линь, мы вместе были шесть лет, не шестьдесят дней. Первые несколько месяцев ты снился мне почти каждый день. Долгое время я даже не хотела просыпаться, потому что во сне ты был рядом со мной.

— Второй и последний раз, когда я решила тебе позвонить... На самом деле я и не должна была этого делать, но мне было страшно. Я рано проснулась и обнаружила свою соседку по комнате. Она была единственной, кто стала мне хорошей подругой... и она умерла в ванной комнате. Приехала полиция и начала меня допрашивать, днями и ночами. Когда меня отпустили, казалось, что душа в теле вот-вот развалится... я лишь хотела к тебе. После того раза я для себя решила больше никогда не искать тебя. Е Линь, это я скучала по тебе.

— Что-нибудь еще? — после долго молчания до меня донесся безразличный голос.

— Я... скучала по тебе, Е Линь.

Человек — единственное в своём роде животное с душой и чувствами, особенно в переломный момент, когда он наиболее зависим от кого-то, кто чрезвычайно для него важен.

— Правда? Скучала по мне? Если бы ты дозвонила до меня и рассказала все это... Тогда прости, что не был рядом.

— Е Линь, я хотела увидеть тебя, я... искала способы вернуться, и не раз. Я бы...

«Отбросила бы самоуважение и заносчивость, я бы смиренно умоляла бы его».

— Но сейчас я не хочу тебя видеть, совсем не хочу... И если бы это было возможно, я бы хотела забыть все, что было между нами!

Я подняла голову и посмотрела на него. Он был потрясен, в конце концов схватив мои руки и медленно отпустив. Пошатываясь, он отступил на пару шагов и тотчас засмеялся:

— Цзянь Аньцзе, ты такая жестокая. Говоришь такие слова, хочешь сейчас меня основательно пристыдить перед собой? Если я скажу, что ждал твоего возвращения, тебя не стошнит? Ха-ха-ха... видимо, я стал до такой степени жалок, что выгляжу забавно. Да и поделом, — он говорил и отступал, хаотично шагая.

Я смотрела ему вслед, его неизменно гордая спина выглядела уныло, а в сердце колело: «Не допускай самообмана».

Я жестокая? Если после этого меня опять отвергнут, не смогу принять это снова. После того, как мне раз за разом причиняли боль, я не хочу ни на что надеяться. Если это называется жестокостью, тогда я буду жестокой.

Говорят, счастье имеет один облик, в то время как несчастье имеет тысячи обликов. Я испытала слишком много страданий, поэтому теперь я труслива будто заяц.

В это время на телефон позвонил Пу Чжэн

— Я разговаривал с другом по телефону, сейчас сделаю кое-какое дело и вернусь. Ты уже дома?

— Да, иди делай дела, — договорив, я обернулась. И, вопреки своим ожиданиям, увидела Си Сичэня, стоявшего недалеко от уличного фонаря.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1655209>